Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 4. С. 74–85
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-74-85
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 4, 2025, 74–85
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

А. М. Грачева

К ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 1910-Х ГГ.: РОМАНЫ О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ

Alla M. Gracheva

THE TYPOLOGY OF RUSSIAN FICTION OF THE 1910S: NOVELS ABOUT THE YOUNG GENERATION

Резюме. Писатели среднего сегмента многоуровневой системы русской литературы ставили на второй план вопросы художественного языка и поэтики произведений. Главное место отводилось актуальной проблематике и типологии героев, привлекающих внимание целевой аудитории. В статье рассмотрен один из типов романной беллетристики начала XX века — роман о молодом поколении. Как образцы этого романного типа рассмотрены «Молодежь» (1911) В. В. Брусянина, «Дальний край» (1913) Б. К. Зайцева, «Недавнее» (1915) Р. Григорьева (Р. Г. Лемберг-Лившиц). Проведенный анализ выявил типологическое сходство художественной структуры, системы образов и базовой идейно-художественной концепции данных произведений. В основе романов лежал сделанный героями выбор истинных «учителей жизни» и верного жизненного пути. Произведения о молодом поколении продолжали традиции классического «романа воспитания».
Ключевые слова: русская литература, роман о молодом поколении, «Молодежь», «Дальний край», «Недавнее», В. В. Брусянин, Б. К. Зайцев, Р. Григорьев (Р. Г. Лемберг-Лившиц)
Информация об авторе: Алла Михайловна Грачева, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, irliran@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4708-098X.
Для цитирования: *Грачева А. М.* К типологии русской беллетристики 1910-х гг.: романы о молодом поколении // Словесность и история. 2025. № 4. 74–85.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-74-85

Abstract. Writers of the middle segment of the multi-level system of Russian literature considered the issues of language and the poetics of texts of secondary importance. Their attention was mainly focused on current issues and the typology of heroes who attracted the attention of the target audience. The article examines a novel about the young generation, one of the types of novelistic fiction of the early twentieth century. The following novels are considered examples of this type: *Youth* (1911) by V. V. Brusyanin, The *Far Land* (1913) by B. K. Zaitsev, and *Recent* (1915) by R. Grigoriev (R. G. Lemberg-Livshits). The present analysis reveals a typological similarity of the artistic structure, the system of images, and the basic ideological and artistic conceptualization of these works. The novels were based on the heroes' choice of true "life teachers" and the right path in life. Works about the young generation continued the traditions of the classic "novel of education".
Keywords: Russian literature, novel about the young generation, *Youth*, *Far Land*, *Recent*, V. V. Brusyanin, B. K. Zaitsev, R. Grigoriev (R. G. Lemberg-Livshits).
Information about the author: Alla M. Gracheva, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; irliran@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4708-098X.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

For citation: Gracheva, A. M. (2025). 'The Typology of Russian Fiction of the 1910s: Novels about the Young Generation', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 4, 74–85. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-74-85

Произведения беллетристики — среднего сегмента многоуровневой системы русской литературы, — в отличие от классики, где данное свойство было окказиональным, всегда были ориентированы на злободневность, мгновенный ответ или попытку отклика на «вызовы времени». Авторы текстов, относящихся к данному литературному страту, как правило, не заботились о поисках нового языка и поэтики, сосредоточивая свое внимание на актуальной проблематике и типологии образов героев. В начале XX в. характерным свойством подобных текстов было явное «педалирование» привлекающей читателя социальной и политической тематики.

Среди относящихся к беллетристике романов 1910-х гг. можно выделить группу текстов, объединенных центральным персонажем особого типа. Это — «целое поколение, — молодежь, испытавшая на заре юности подъем и срыв страстей, надежд и идеалов, который принес с собой мятежный 1905 год», как писал критик А. Гвоздев [Гвоздев]. Наиболее показательными образцами данного романного типа являются «Молодежь» (1911) В. В. Брусянина, «Дальний край» (1913) Б. К. Зайцева, «Между двух зорь» (1909–1914) И. А. Новикова[1], «Недавнее» (1915) Р. Григорьева (Р. Г. Лемберг-Лившиц).

Повествования о судьбах молодых героев, чьи идейные и нравственные убеждения еще только формируются, позволяло писателям показать столкновение различных философских, политических и нравственных доктрин, популярных в русском обществе тех лет, а также представить в узнаваемых современниками образах «дух времени», проявляющийся в размышлениях молодежи о смысле бытия, значимости отдельной личности и характере ее взаимоотношений с окружающим миром.

В романах о молодежи решение мировоззренческих вопросов было, как правило, сопряжено с постановкой злободневных социальных проблем. Главный герой таких произведений — поколение, представители которого подростками пережили события революции 1905 года, прошли затем через искусы времени реакции и, наконец, мужают в годы нового революционного подъема. То были романы о выборе верного жизненного пути. Одновременно писателей тревожил вопрос о той части молодежи, которая в «ночь после битвы», — пользуясь выражением известного критика В. Воровского, — так и не смогла найти своей дороги. Обращаясь к более знакомому им материалу, писатели говорили, главным образом, о судьбах молодого поколения интелли-

[1] О типологии романа И. Новикова «Между двух зорь» см. [Грачева].

генции, но центральным экзистенциальным вопросом их романов был вопрос о будущем России.

Характерным примером обращения беллетристов к теме, популярной среди определенного круга читателей, является роман В. Брусянина «Молодежь» [Брусянин]. Экспозиция этого произведения — момент, когда главные герои покидают стены гимназии. То, по какой дороге они в дальнейшем пойдут, каким «учителям жизни» будут следовать, и составляет содержание романа.

В основе «Молодежи» — острый конфликт между духовными требованиями героев и общественной атмосферой периода реакции. Один из персонажей — студент Грумов утверждает: «„Что делать?“ — вопрос этот снова встал перед нами, как он стоял много лет назад» [Брусянин, с. 116]. Поиск ответа на классический вопрос литературы второй половины XIX в. и определил сюжетное развитие произведения. Героям Брусянина важно найти применение своим силам в деятельности, направленной на общее улучшение жизни. Автор утверждает, что юношеские мечты героев благородны, но лишены конкретности, чему способствует сама действительность, показанная сквозь призму ее преломления в юношеском сознании. Бесчинства «черносотенцев», репрессии против студентов, увольнения и аресты революционно настроенных рабочих, подавление крестьянских волнений — все эти политические и общественные явления только обостряют желание молодых героев «все равно что бы ни сделать, лишь бы сделать» [Брусянин, с. 197].

Одна из основных в романе Брусянина — проблема «отцов» и «детей». Писатель (и это характерно для романов начала XX в.) особо подчеркивает не только жизненную, но и литературную «традиционность» идейного противостояния поколений. Характерным художественным «жестом» автора (отсылкой к литературным предшественникам) является указание на то, что Володя Грудников, ведущий непримиримую борьбу со своим родителем, читает роман Тургенева «Отцы и дети», пытаясь найти параллели между своей жизненной ситуацией и перипетиями классического произведения.

В «Молодежи» «отцы» («взрослые») трактуются не только как воплощение реакционных сил, но также и как люди, смирившиеся с действительностью, предавшие прежние идеалы. Классическая оппозиция «отцов и детей» отображена через коллизии двух семейных конфликтов. Противостояние фабриканта Грудникова и его сына Володи, отрицающего накопление богатств как цель жизни, — ситуация, неоднократно возникающая в литературе начала XX в., посвященной «блудным сыновьям» русской буржуазии. Изображение конфликта Жени и Лиды Козловских с их отцом, ранее бывшим лидером городской «левой оппозиции», отражает фиксируемый автором политический сдвиг вправо некогда «передовой» и радикально настроенной интеллиген-

ции. Для Брусянина «отцы», увиденные глазами «детей», предстают как бы олицетворением духовной деградации определенной части русского общества, проявившейся в период реакции конца 1900-х гг.

Молодые герои произведения не только соотнесены с Базаровым, а также с героями романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», но и противопоставлены им. Если герои XIX в. четко знают «что делать», то персонажи Брусянина находятся на распутье. Они не приемлют дела «отцов», но пребывают только в преддверии своих деяний, еще ищут своих «учителей жизни».

В романе изображены деятели разных партий, предлагающие молодежи свои способы изменения действительности. Среди претендентов на роль «учителя жизни» — кадет Козловский, призывающий к либерализму в рамках закона. Характерно то, что своими речами он не склоняет на свою сторону ни одного из молодых героев романа. Другой «прельститель» молодых умов — авантюрист-эсер Ельминский, завлекающий недавних гимназистов псевдореволюционным фразерством и, самое главное, предложением конкретного и эффектного «дела», сопряженного с терроризмом. Для большинства героев (Веры, Жени, Володи) участие в подобной деятельности кажется наиболее реальной попыткой изменить неприемлемый для них мир. Но автор, отвергающий террористические методы борьбы, показывает, что первой жертвой подобных деяний становится сама молодежь, обманутая лже-вождями. «Дело» Ельминского, в которое он втягивает героев, громко названо «экспроприацией», а в реальности оказывается несостоявшимся уголовным ограблением поезда. История этой авантюры раскрывается в романе сквозь призму ее восприятия Володей Грудниковым, участвующим в «эксе», но так до конца и не понимавшим, что же за «дело» он совершает. Финалом «экспроприации» становится жестокая расправа жандармов с ее участниками, которые только в тот момент осознают, что оказались в очередном жизненном тупике.

Третьим «учителем жизни», влияющим на судьбу персонажей, является социал-демократ Грумов. Знаменательно, что за ним, по его пути, идет самый цельный из молодых героев — гимназист Струга. С образами этих двух персонажей входит в роман тема будущего России. Брусянин наделяет Грумова и Стругу верой в скорое наступление новой революции, которую, с некоей аллюзией на прозрачные иносказания романа «Что делать?», они называют «настоящим делом» [Брусянин, с. 169]. Однако изображение интеллигенции, связавшей свое будущее с борьбой за пролетарское «дело», не занимает в романе значительного места. Писателя волнует главным образом отображение проблем той части молодежи, которая еще не нашла своей дороги.

Брусянин показывает разные пути молодого поколения, вступившего в жизнь в период «безвременья». Хотя судьбы большинства героев трагичны,

его роман лишен безысходного пессимизма и завершается открытым финалом. Резонер Суслов, чьими устами говорит сам автор, риторически вопрошает: «Кто же придет к ним, моим милым мальчикам? Кто же придет к ним и скажет, что надо делать? Кто же придет к ним? Кто спасет их? Кого они послушают?» [Брусянин, с. 322].

В отличие от Брусянина другие романисты все же пробовали наметить направление пути, движение по которому было бы благотворным для молодого поколения. В этом плане показателен роман Б. К. Зайцева «Дальний край» [Зайцев].

Идейная концепция этого произведения как бы зашифрована в его заглавии. «Дальний край» — вечность, нечто непостижимое, лежащее за гранью смерти.

Фабула романа основана на истории судеб трех друзей (студента Пети, революционера Степана и художника Алеши), которые проходят свой жизненный путь, следуя разными дорогами. Подобная «троичность» героев имеет в своей основе фольклорный (сказочный) сюжет, но также опирается на традиции русской литературы, в частности, на произведение, знаковое для писателей рубежа веков, — роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». В последнем, как отметила В. Е. Ветловская, число «три подчеркивает некоторую сказочность событий и отношений (при всей их конкретности), за которыми следует искать самый общий, самый глубокий смысл» [Ветловская, с. 143]. Для типологии «романного» толкования данного числа в текстах рубежа XIX–XX вв. вспомним повесть М. Горького «Трое» (1900), восходящую к тем же традициям Достоевского.

В романе Зайцева в судьбах его трех героев представлены три жизненных «правды». Каждая из них проверяется историческими обстоятельствами, которые в своей совокупности определяли русскую действительность 1900-х гг., от предреволюционных лет до периода реакции.

Первый «путь» — это борьба за переустройство мира. По нему следует революционер Степан, считающий, что только революционное насилие может изменить действительность. Решившись на террористический акт, герой думает: «Пройдет две, три недели, свершится задуманное ⟨...⟩ Горделивое чувство, что он идет по истинному, прямому пути, охватило его» [Зайцев, с. 198]. «Правда» Степана не совпадает с «правдой» Алеши — человека ренессансного типа, видящего смысл жизни во всеобъемлющем приятии бытия и в неустанном познании его радостей. Его существование стихийно и естественно, как «жизнь рыб в морях, птиц, веселых летних стрекоз» [Зайцев, с. 154].

Но если и Степан, и Алеша появляются в романе уже обладающими своей «правдой» жизни, то их третий друг, Петя, только ищет ее. Он пред-

стает в романе лишь как *свидетель* бурных событий предреволюционного и революционного времени, но не играет в них какой бы то ни было активной роли. В романе кратко сообщается о многих политических и культурных явлениях и событиях тех лет: борьбе марксистов и народников, студенческих демонстрациях, литературных диспутах модернистов и т. д. Однако в политических схватках студент Петя не примыкает ни к одной из сторон: сочувствуя «левым», он вместе с тем чувствует себя неспособным на «какую-нибудь политику». По проницательному замечанию критика А. Б. Дермана, «это типический в творчестве Зайцева характер: он лишен мало-мальски резких, точных и определенных очертаний» [Дерман, с. 141].

Центральным событием, знаковым для судеб всех трех героев, становится революция 1905 года. Автор романа признает важность ее исторического значения для России, но считает, что страна была не готова к ней. Революционная борьба для Зайцева — это удел восторженных и нравственно чистых людей, которых все же слишком мало, а потому они заранее обречены на неудачу в неравной схватке с царизмом. Писатель полагает, что моральная сила стремления к свободе в итоге приведет к большему результату, чем вооруженное восстание. Но, в отличие от многих писателей тех лет, Зайцев все же сочувственно изображает некоторые реальные события революции, хотя не видит ни ее движущих сил, ни истинных причин ее поражения. Он так пишет о назревании событий: «Готовили электрический удар, молнией осветивший Россию, показавший все величие братских чувств и всю бездну незрелости, в которой находилась страна, — и, что бы потом ни говорили, начавший в истории родины новую эпоху» [Зайцев, с. 178]. Сам писатель был далек от революционной среды, не знал, а потому и не брался за изображение ее деятелей. Именно поэтому его герой (Степан) — казалось бы, наиболее подготовленный к совершающемуся профессиональный революционер — не участвует в событиях 1905 г., так как находится в ссылке. Зайцева больше интересует отображение психологии той части молодежи, представители которой были охваченными стихийным порывом, случайными попутчиками революции. Такими людьми, увлеченными общим энтузиазмом, оказываются Алеша и Петя. Последний вместе со своей юной женой Лизаветой помогает революционерам, но не способен четко определить свое место в происходящих событиях: «Навсегда остались в памяти похороны революционера, убитого черносотенцами, — движение несметной толпы, песнь, певшаяся без шапок под открытым небом и напоминавшая гигантскую панихиду. Реянье красных знамен, тот восторг, что теснит в такие минуты сердце. // И рядом — расстрел из засады, насилия над студентами, грозные вести со всех концов России, погромы. В общем это время больше Петю угнетало, чем воодушевляло.

Он чувствовал себя в кутерьме, гаме, свалке, и у него было ощущение, что его затолкают» [Зайцев, с. 185]. Революция так и осталась для этого героя Зайцева увлекательным моментом, по сути далеким от его идейных исканий.

Хаосу человеческой жизни, политическим страстям и идейным метаниям в «Дальнем крае» противостоит внутренняя гармония мирового бытия, являющаяся проявлением некоего высшего начала. Именно оно предустановило вечные нравственные принципы, тождественные, по Зайцеву, заповедям христианства. Осознанными или бессознательными результатами следования этим высшим законам являются человеческие любовь, чувство радости от осознания своего единения с мирозданием, самопожертвование, смирение. Отблесками гармонии бытия пронизана пантеистически одухотворенная природа, благодаря которой человек может вдруг, при помощи внезапного откровения, постичь вечные законы космоса.

Личная «правда» каждого из героев Зайцева проверяется на ее соответствие общезначимой глубинной «правде» бытия.

Ставший террористом Степан попирает один из законов жизни («не убий!»). Знаменательно, что единственной жертвой его террористического акта становится ребенок. Потрясенный совершенным герой оказывается один на один с природой и через нее соприкасается с надличностной «правдой» бытия. Нравственно «прозрев», Степан сворачивает с пути революционного насилия, избрав путь христианского смирения. В итоге он уходит в «дальний край», приняв смерть за другого.

Гибель Алеши от случайно выстрелившего ружья так же непредсказуема, как и другие моменты его стихийно развивавшейся жизни. Но для автора жизненная «правда» этого героя, душа которого «свободно уходила в Вечность» [Зайцев, с. 233], ценна его слитностью с миром природы, бессознательным ощущением полноты и красоты бытия.

Третий из друзей — Петя — обретает свою «правду» в любви к Лизавете. Образ этой героини является в романе воплощением жизни, прекрасной в непосредственности своего протекания. Любовь является для героя Зайцева путеводной нитью, выводящей его из опасных поворотов и тупиков бурной эпохи. Петя — единственный из троих друзей, кто в конце романа не уходит из жизни. С «правдой» именно этого героя автор связывает свое понимание миссии русской интеллигенции. России нужны, считает Зайцев, не революционные перемены, а постепенные культурные преобразования, главную роль в которых сыграет интеллигенция. Когда заканчиваются годы духовного «ученичества» Пети, герой видит свое предназначение в том, чтобы «стоять в рядах людей культуры и света, и насколько дано ему — проводить в окружающее эти начала» [Зайцев, с. 260].

Таким образом, если Брусянин завершил свой роман открытым вопросом о дальнейшем направлении русской жизни, то Зайцев в «Дальнем крае» дает, хотя и очень ограниченный, ответ на него, связывая надежды с культуртрегерской деятельностью образованных слоев русского общества.

Забвение или память о «недавнем» (революции 1905 года) определяет и жизнь героев романа Р. Григорьева (Р. Г. Лемберг-Лившиц) «Недавнее» [Григорьев].

В центре романа семья интеллигентов Отаровых, большинство членов которой (старшие сестры, их мужья, даже подросток Лиза) участвовали в недавних революционных событиях. Действие произведения разворачивается в Петербурге в 1910—1912 гг.

Одной из основных проблем «Недавнего» является вопрос об идейном кризисе и духовном перерождении интеллигенции. Автор исследует его на примере старших сестер Отаровых и их благополучных мужей, бывших студентами в годы революции. Их настроения показаны через восприятие Вари Отаровой, вернувшейся домой после пятилетней ссылки в Сибирь. Эта героиня, оставшаяся верной убеждениям своей юности, особенно ясно видит, что прежние идеалы забыты ее родными. Сестры погружены в семейные заботы, их мужья заняты карьерой, а младшие Отаровы (Лиза, Володя) кружатся в вихре легкомысленных развлечений. Былые «попутчики» революции, бывшие пропагандисты марксизма, старшие Отаровы считают, что они заслужили право на материальную обеспеченность и душевный комфорт. Они вспоминают о событиях 1905—1907 гг. как об ушедшей в небытие поре юности, на смену которой пришли новые времена, к которым надо суметь приспособиться. Однако автор отвергает не только идейное ренегатство старших Отаровых, но и идейный догматизм Вари. Если для первых «недавнее» стало теперь невозвратным прошлым, то недавняя ссыльная хотела бы сохранить его в неизменности. Стремясь продолжать революционную борьбу, она не способна понять, что последняя приобрела новые формы. В результате жизненный путь этой героини завершается самоубийством.

Таким образом, основой идейной концепции «Недавнего», как и в ряде других романов этого типологического ряда, становится проблема выбора жизненного пути. О нем спорят все персонажи романа: и те, кто его уже избрал, и те, для кого он еще не ясен.

Молодежь ищет свою дорогу, преодолевая «ложные» жизненные схемы, навязанные им временем, воспитанием или происхождением. В романе развенчиваются два варианта мировоззрения, возникшие в период реакции конца 1900-х гг. Ницшеанско-санинская программа Владимира Отарова по своей удаленности от настоящей «живой жизни» родственна эстетическому

индивидуализму Зори Кирпотина — рафинированного потомка угасающего дворянского рода. И бесконечная погоня за все новыми чувственными наслаждениями, и стремление всецело уйти от современности в стилизацию чувств и поступков предков равно приводят обоих героев к мыслям о бесцельности своего бытия. Но сама жизнь опровергает их заблуждения. Автор расценивает и эстетское желание Владимира застрелиться с розой в руке, и попытку Кирпотина «мистически возвышенно» отравиться опиумом не как красивый «жест», — пользуясь выражением Ф. М. Достоевского, «возвращения билета», — а как тривиальные и бессмысленные попытки самоубийства. При этом изображение сцен несостоявшегося суицида лишено трагизма, окрасившего подобный сюжетный эпизод в романе Брусянина.

«Бремя исключительности», крайний индивидуализм оборачивается для Владимира и Кирпотина «унизительным пленом одиночества». Ступенями выхода из него служат встречи героев с людьми «живой жизни». Воплощением стихийной силы и красоты бытия является в романе Лиза Огарева, чей образ во многом типологически сходен с образом Лизаветы из «Дальнего края» Б. Зайцева. Ее жизнеутверждающий оптимизм помогает другим героям разорвать путы мертвых мировоззренческих схем. «Чем жить? — закричала она, перебивая Милочку. — Цель жизни? Оправдание жизни? Смысл жизни? Ведь это все слова, слова! ⟨...⟩ Можно ответить тебе что-нибудь о тайнах познания, о счастье человечества, о творческой эволюции всемирного разума, об откровениях красоты... И все это будут такие же слова, как и твои вопросы. Я иначе — не понятиями, а внутренне — чувствую и радость, и ценность, и святость, и торжественность, и необходимость, и непреложность жизни» [Григорьев, № 4, с. 128]. Именно разговор с Лизой пробивает первую брешь в циничном пессимизме Володи, а Кирпотин, полюбив ее, нравственно возрождается.

В 1910-е гг. в литературе, публицистике и критике снова остро дискутировался классический вопрос второй половины XIX в. о «народе и интеллигенции». В романе Р. Григорьева возникала толстовская тема необходимости сопряжения своего «я» с неизмеримо бóльшим — народом. Так, в финале романа Кирпотин размышляет: «Если все, то и я ⟨...⟩ Так идут люди сражаться на баррикадах, так идут люди умирать за свободу отечества. ⟨...⟩ Он думал о капитане Тушине, и ему представлялось таким простым и легким отрешиться от неустойчивых и всегда мучительных личных переживаний и растворить свое «я» в радостной, спокойной и решительной воле непогрешимого коллектива... и ему казалось, что он нашел путь для себя...» [Григорьев, № 5, с. 98–99].

Р. Григорьев решает вопрос о характере взаимосвязи молодых интеллигентов с народом в социальной плоскости. Дальнейшая судьба интеллигенции зависит от того, на сторону какого из двух основных антагонистических клас-

сов русского общества (пролетариата или буржуазии) она встанет. Поэтому поворотным моментом в судьбе Владимира Стасова оказывается знакомство с революционно настроенным рабочим Веригиным, который и становится его «учителем жизни». На жалобы молодого адепта на бесцельность его жизни пролетарий отвечает: «Я и не буду защищать вашу жизнь ⟨...⟩ Но я полагаю, что жизнь еще не начиналась ⟨...⟩ Хозяева жизни носят обличье рабов. ⟨...⟩ Не начиналась еще жизнь на земле» [Григорьев Р. № 5, с. 44—46]. Рабочий подразумевает под «настоящей жизнью» ту, которая наступит после победы революции и за которую надо бороться. И не в скромном честном труде для просвещения народа, как Петя из «Дальнего края», а в переходе на сторону рабочих видит Владимир обретенную цель своего существования.

Как и в других романах о молодом поколении, конец «Недавнего» оптимистичен. После долгих испытаний вновь встречаются любящие друг друга Кирпотин и Лиза, уезжает работать на завод Владимир. Для автора именно эти герои воплощают новые силы русской интеллигенции, ищущей сближения с народом.

Роман Р. Григорьева принадлежал к беллетристике среднего художественного уровня. Его автор не обладал искусством психологического анализа. В связи с этим в «Недавнем» изображение нравственного воскрешения героев не получилось достаточно убедительным. Знаменательно в романе другое — стремление автора показать, что еще «недавно» излюбленный у беллетристов герой «безвременья» пришел к неизбежному краху. Изжив себя в реальности, он выпал из сферы внимания писателей и как литературный тип. Вместе с обновлением жизни должен был обновиться и романный герой.

Подведем некоторые итоги. Следует еще раз отметить, что во всех романах о молодом поколении, созданных беллетристами демократического лагеря, ощутимо идейное воздействие революции 1905 года на мысли и судьбы героев. Под ее воздействием персонажи пересматривали свои представления о характере взаимоотношений человека и общества. В свете ощущаемой существующей незримой связи между личным и общим герои кардинально меняли свою жизнь.

Типологически романы о молодом поколении можно отнести к новому виду «романа воспитания». Находящаяся в становлении личность проходила через всевозможные испытания. Среди них важнейшим оказывался искус порожденным духом реакции неверием в саму жизнь, а также в существование высоких целей и идеалов. Чаще всего эволюция героев таких романов завершалась обретением позитивных ценностей.

Как известно, в России начала 1910-х гг. произошло изменение общественной атмосферы, что в литературе отразилось прежде всего в сфере бел-

летристики, всегда чутко улавливавшей смену настроений *своего* читателя. На смену герою романов периода реакции, проповедовавшему нравственный и политический нигилизм, пришел новый герой, ищущий смысл своего существования вне собственного «я». В связи с этим одной из основных проблем произведений стал поиск молодежью «настоящей жизни», верного жизненного пути. При этом по сравнению с романами предыдущего периода — конца 1900-х гг. — стала по-новому решаться проблема выбора «учителей жизни».

Как правило, молодые герои романов сталкивались с людьми, знающими «истинную правду», или с людьми, подчас бессознательно следующими законам «живой жизни». К последним можно отнести девушек, прекрасных и душой, и телом. Любовная интрига — непременная черта художественной структуры романов о молодом поколении, хотя и не занимает первостепенного места в развитии сюжета. При этом беллетристы вновь обратились к традиционному для русской литературы XIX в. мотиву духовного «воскресения» через любовь (истории Лизаветы и Пети в «Дальнем крае», Лизы и Кирпотина в «Недавнем»). Параллельно авторы показывали и другой путь к постижению смысла жизни — обращение к опыту и мудрости народа. Для романов о молодом поколении характерно уже не ниспровержение, а обретение героями «учителей жизни» и обнаружение их в народной среде (крестьянстве, рабочем классе).

Своим жизнеутверждающим пафосом романы о молодом поколении шли в русле с новым направлением развития русской литературы 1910-х гг., — тем, которое, по словам Е. Колтоновской (статья «Преодоление рационализма»), происходило под общим девизом: «К жизни!» [Колтоновская, с. 2]. Для их авторов будущее России было скрыто за туманной, но нарисованной в оптимистических тонах дымкой. Для них было несомненно, что Родину ждут перемены к лучшему, хотя их сущность не была ясна большинству писателей. Сбылись ли ими чаемые прогнозы — очень скоро показало дальнейшее развитие русской истории.

Литература

Брусянин — *Брусянин В. В.* Молодежь: Роман. СПб.: Прометей, 1911. 326 с.

Ветловская — *Ветловская В. Е.* Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1971. Т. 26. С. 139–150.

Гвоздев — *Гвоздев А. А.* Литературная летопись: («Между двух зорь») // Северные записки. 1915. № 11–12. С. 228.

Грачева — *Грачева А. М.* Настоящее и будущее России в романе И. А. Новикова «Между двух зорь» (Дом Орембовских)» // Творческое наследие И. А. Новикова в XXI веке: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. 145-летию со дня рождения И. А. Новикова. Мценск: [Картуш]; Центр. гор. б-ка им. И. А. Новикова, 2022. С. 6–12.

Григорьев — *Григорьев Р.* [Лемберг-Лившиц Р. Г.]. Недавнее: Роман // Современный мир. 1915. № 4. С. 1–153; № 5. С. 1–111.

Дерман — *Дерман А. Б.* Новый роман Бориса Зайцева // Северные записки. 1913. № 7. С. 140–147.

Зайцев — *Зайцев Б. К.* Дальний край: Роман. М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1915. 320 с.

Колтоновская — *Колтоновская Е.* Преодоление рационализма // Речь. 1916. № 230, 22 авг. С. 2.

References

Gracheva, A. M. (2022). 'Nastoyashchee i budushchee Rossii v romane I. A. Novikova *Mezhdu dvukh zor*' *(Dom Orembovskikh)*' ['The Present and Future of Russia in I. A. Novikov's Novel *Between Two Dawns (The Orembovskys*' *House)*'], in: Gracheva, A. M., ed., *Tvorcheskoe nasledie I. A. Novikova v XXI veke* [*Creative Works of I. A. Novikov in the 21th century*]. Mtsensk: [Kartush]; Central City Library named after I. A. Novikov, 6–12. (In Russ.)

Vetlovskaya, V. E. (1971). 'Simvolika chisel v *Brat'yakh Karamazovykh*' ['Symbolism of Numbers in *The Brothers Karamazov*'], in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Leningrad: Nauka Publ., 26, 139–150. (In Russ.)